

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-066-074

БХОДРОЛОКИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ БЕНГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

© 2023

И. Т. Прокофьева¹

Колониальное положение страны неминуемо приводит к необходимости взаимодействовать с чужой для нее культурой метрополии, так как культурное влияние на местное население является обязательным следствием ее политического доминирования. В результате колонии перенимают не только некоторые черты, но и многие ценности изначально чуждой цивилизации. Необходимость изучения английского языка, явившаяся следствием проводимой британцами политики рекрутирования чиновничьих кадров из местной среды, породила в бенгальском обществе появление целого слоя билингвов, в равной степени владеющих родным и английским языками. Следствием билингвизма образованной части общества стало пополнение бенгальского словаря новой лексикой, образованной в результате калькирования, то есть буквального поморфемного перевода слов, обозначающих не материальные предметы, а понятия, отсутствовавшие в бенгальской культуре, или научных и общественно-политических терминов. В качестве материала для калькирования бенгальцы использовали санскрит.

Тем же путем калькирования бенгальцы пошли и реформируя свою культуру: беря в качестве основы европейскую модель, они наполняли ее собственным содержанием, обращаясь к своему прошлому и находя в нем материал для создания новых для бенгальской культуры видов и жанров искусства. Эти процессы привели к расцвету бенгальской культуры в период с середины XIX до середины XX в., который сами бенгальцы называют Эпохой Пробуждения или даже Бенгальским Возрождением.

Ключевые слова: колония, европейское образование, бенгальская культура, бенгальский язык, калькирование

Для цитирования: Прокофьева И. Т. Бходролоки и джентльмены: формирование бенгальского языка и культуры в колониальный период. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 66–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-066-074

BHODROLOKS AND GENTLEMEN: FORMATION OF BENGALI LANGUAGE AND CULTURE DURING COLONIAL PERIOD

Irina T. Prokofieva

The colonial position of the country inevitably leads to interaction with the culture of the metropolis, which is alien to it, since cultural influence on the local population is an unpreventable consequence of its political dominance. As a result, colonies adopt not only some features, but also many values of an initially alien

¹ Прокофьева Ирина Тенгизовна, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университет), Москва; iprok@mail.ru

Irina T. Prokofieva, PhD (philology), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow; iprok@mail.ru
ORCID: 009-0007-9351-8202

civilization. The need to study English, which was a consequence of the British policy of recruiting bureaucrats from the local population, caused the emergence of numerous bilinguals in Bengali society, equally proficient in their native and English languages. The consequence of the bilingualism of the educated part of society was the replenishment of the Bengali vocabulary with new words formed as a result of calking, that is, literal morphemic translation, of words denoting not material objects, but concepts that were absent in Bengali culture, or scientific and socio-political terms. As a material for calking Sanskrit language was used. The Bengalis followed the same path of calking when reforming their culture: taking the European model as a basis, they filled it with their own content, looking back on their past and finding in it material for creating new genres of art for Bengali culture. These processes led to the flourishing of Bengali culture in the period from the mid-nineteenth to the mid-twentieth century, which the Bengalis call the Age of Awakening or even the Bengal Renaissance.

Keywords: colony, European education, Bengali culture, Bengali language, calking

For citation: Prokofieva I. T. Bhodroloks and Gentlemen: Formation of Bengali Language and Culture in Colonial Period. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 66–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-066-074

Колониальное положение той или иной страны дает нам интересный пример ее взаимодействия с внешним миром, так как «внешний мир» самовольно явился туда, даже не потрудившись постучать в дверь, но немедленно заявив о своих правах на ее территорию, население и ресурсы. Взаимодействие это, невинно, на первый взгляд, начинавшееся с торговых операций, почти неминуемо сопровождалось насилием и в конечном итоге — подчинением себе, военным и политическим. Как бы то ни было, колонизаторы и колонизируемые были представителями разных цивилизаций, которые в силу сложившихся обстоятельств не могли не вступить в отношения между собой.

Процесс влияния и проникновения «чужой» культуры в колониальных странах отличается от такового в странах, не испытывавших многовекового владычества иностранного государства, так как культурное влияние извне является обязательным дополнением к политическому доминированию, непременно сопровождает его и из него следует. Чаще сознательно, иногда неосознанно, колониальная культура впитывает в себя не только отдельные черты, но и ценности изначально чуждой цивилизации, трансформируясь при этом даже тогда, когда пытаются сохранить своеобразие.

Все волны вторжений, завоеваний, а как следствие, и культурного влияния на Индию традиционно шли с запада на восток, вследствие чего Бенгалия, находящаяся на самом востоке субконтинента, долго оставалась на периферии индийского мира, знакомясь с новациями позже других регионов и в достаточно ассимилированном виде. Неожиданным «сюрпризом» для этого региона стало появление на территории Бенгалии британской Ост-Индской компании, начавшей колонизацию субконтинента с его восточного региона. И тут Бенгалия, на земле которой была построена новая, европейская, столица — Калькутта, меняет свое периферийное положение на центральное.

АНГЛИЙСКИЙ НАСТУПАЕТ

К концу XVIII в. английский язык начинает вытеснять персидский в качестве языка бюрократии во всех областях, освоенных Ост-Индской компанией, при этом стоит отметить, что в Бенгалии он и не был укоренен в той же степени, что в центральных и западных областях. Необходимость формировать чиновничий аппарат из местных кадров, то есть из бенгальских

грамотных *бабу* (уважительное обращение к мужчине), представителей брахманских каст, включая многочисленных в Бенгалии каястхов (изначально — писцы) и вайдхья (изначально — лекари), привела англичан к пониманию другой необходимости — давать потенциальным чиновничьим кадрам соответствующее образование.

Параллельно англичанами велось изучение и описание аборигенного бенгальского языка. Сначала этим занимались миссионеры, что естественно, так как доносить до туземцев Слово Божие нужно было на вернакулярах. За миссионерами последовали чиновники. Случилось это после того, как Ост-Индская компания, изначально торговая, в 1765 г. получила широкие административные функции. Чиновники Ост-Индской компании занялись научным изучением бенгальского языка, и самая первая бенгальская грамматика появляется в 1778 г. Автором труда был служащий Компании Натаниел Холхед [Halhed, 1778]; для публикации книги он основал первую бенгальскую типографию.

В 1800 г. по предложению тогдашнего генерала-губернатора Индии лорда Уэлсли в Калькутте открывается Форт-Вильям колледж, где молодежь, прибывшая из Британии, в числе прочего изучала местные языки, в первую очередь бенгальский. Колледж становится не только учебным, но и исследовательским центром. В течение более полувека Форт-Вильям колледж успешно справлялся с задачами по подготовке колониальной администрации, однако в 1853 г. генерал-губернатор Далхузи предложил его закрыть, мотивируя это изменившейся ситуацией. Лорд Уэлсли рассчитывал на обучение в образованном по его указу заведении доставляемых в Индию из метрополии неподготовленных юнцов в возрасте 15–16 лет. Во времена же Далхузи возраст прибывающих возрос до 20–22 лет, и они уже прошли подготовку в открывшихся в Англии учебных заведениях, например, в Колледже Хейлебери (East India College, или East India Company College), открывшемся в 1806 г. [Chakrabarti & De, 2014, p. 294–299].

Успешно продвигался и процесс обучения местного населения английскому языку — процесс, поддержанный юридически и материально британским парламентом. Создавались миссионерские школы, открывались светские учебные заведения, и уже в первой половине XIX в., точнее — в 1835 г. был издан указ, гласивший, что «одной из главных целей британского правительства следует считать распространение среди коренного населения европейской культуры и науки, а средства, направляемые на цели образования, могут быть использованы с максимальным эффектом именно в сфере английского образования»².

В обучении английскому были заинтересованы и колониальные власти — так можно было решить проблему подготовки чиновничьих кадров, рекрутируя их из местных жителей. В 1817 г. часовщик и филантроп Дэвид Хэйр финансирует открытие школы, получившей его имя, а также вместе с бенгальским ученым и общественным деятелем Раджей Радхакантой Девом, сторонником внедрения европейского образования в индусскую среду, инициирует в том же году открытие знаменитого Хинду-колледжа, безвозмездно предоставив под строительство его здания собственный участок земли. Цели нового учебного заведения были сформулированы англичанами как «обучение сыновей уважаемых представителей индусского общества английскому и индийским языкам, а также европейской литературе и науке» (цит. по [Chakrabarti & De, 2014, p. 300]).

С 1854 г., после открытия Президентского колледжа, созданного по сути в качестве компромисса между индусскими, брахманскими кругами, считавшими, что возможность получать европейское образование и изучать английский является их исключительной привилегией, и мусульманами, а также представителями других религий, Хинду-колледж был переименован

2 <https://studfile.net/preview/4410619/page:26/> (дата обращения: 08. 09. 2023).

в Хинду-школу (Hindu School) и включен в Президентский колледж в качестве подготовительной ступени. Однако Президентский колледж, позднее превратившийся в Президентский университет, ведет свою историю от Хинду-колледжа, считает датой своего возникновения 1817 г. и именуется первым высшим учебным заведением европейского типа в Южной Азии.

После Хинду-колледжа в Калькутте открывались новые учебные заведения с образованием на английском языке: Калькуттский медицинский колледж (1835 г.), Санскритский колледж (1824 г.), так называемый Бетьюн-колледж, явившийся первым в Индии учебным заведением европейского типа для девочек (с 1849 г. — школа, в 1879 г. получившая статус колледжа), неофициально названный так в честь члена совета генерал-губернатора и пионера в области женского образования в Индии, а также некоторые другие. Благодаря новым учебным заведениям Калькутта превращается в крупнейший образовательный центр Южной Азии.

Современный бенгальский журналист и писатель Кушанава Чоудхури, переосмысливая колониальное прошлое своего региона, так пишет об истинных целях культуртрегерской деятельности европейцев: «Из нас выводили породу клерков. Британцы дали нам западное образование, чтобы мы рукоблудствовали во имя их империи. Нас научили сидеть в офисах, получать жалованье и переписывать конторские книги. Ходила шутка, что если дохлая муха попала на страницу оригинала, то во время переписывания клерк должен был убить еще одну и поместить точно в то же место в копии. Это породило бенгальское название чиновника — мухобой. Делать записи, зазубривать, а потом отрывивать все это на экзамене — одним словом, копировать, а не создавать» [Choudhuri, 2017, p. 78]. Жесткая ирония молодого бенгальца, получившего уже в XXI в. свой бакалаврский диплом в Принстоне, а магистерскую степень в Йеле, объяснима, однако нужно признать, что подготовка чиновничества в метрополии в XVIII–XIX вв. едва ли сильно отличалась от колониальной. С другой стороны, нельзя недооценивать того колоссального сдвига в образовании и шире — в культуре, который произошел в Бенгалии той поры и был назван Бенгальским Возрождением, хотя бенгальцы именовали его гораздо скромнее — *наваджагафан*, то есть Новое Пробуждение. И создателями этой культуры были как раз те самые «мухобои».

О ПОЛЬЗЕ ДВУЯЗЫЧИЯ

Бенгальцы овладели английским значительно лучше, чем англичане бенгальским. Перед теми и другими стояли разные задачи. Притом что английский стал официальным языком администрирования, англичанину нужно было разве что приказать слуге начистить до блеска сапоги, принести чай и... непременно сдать экзамен, так как еще в самом начале XIX в. сдача экзамена по бенгальскому языку стала обязательной для занятия любой административной должности в Компании. Но этот экзамен, как и все прочие, принимали англичане, что породило в Бенгалии того времени множество анекдотов, описывающих те случаи, когда экзаменуемыми были бенгальцы, а экзаменаторами — англичане.

Бенгальцам английский был необходим, так как предоставлял новые возможности, давал шанс занять административную или профессорскую должность и тем самым повышал их статус в новом, формируемом англичанами, обществе.

Результатом появления европейских учебных заведений и привлечения воспитанных в них бенгальских кадров к административной работе в Калькутте становится англо-бенгальский билингвизм — образованные бенгальцы, говорящие на двух языках, а второе и последующие поколения являются врожденными билингвами, владеющими двумя языками в равной степени.

Один из основоположников лингвистического изучения билингвизма (двуязычия, диглоссии) Уриэль Вайнрайх отмечает, что языки в двуязычном обществе вступают в контакт, неминуемо сопровождающийся процессом интерференции — взаимодействия, взаимопроникновения, взаимовлияния элементов языковых структур, выражающемся в отклонениях от норм второго языка под влиянием родного [Вайнрайх, 1972, с. 32–48]. В случае колониальной Бенгалии гораздо интересней и важнее посмотреть на интерференцию в другом направлении, то есть выяснить, какие изменения так называемый второй язык (английский) спровоцировал в родном (бенгальском).

Англо-бенгальский билингвизм прежде всего привел к расширению словаря бенгальского языка за счет массового заимствования английской лексики. Процесс заимствования из арабского и персидского языков происходил и в период распространения ислама и исламской культуры, хотя в случае с бенгальцами он не был напрямую связан с двуязычием. Билингвизм становится основой изменения и обогащения языка лишь тогда, когда он носит массовый характер и когда его носители не просто в равной степени владеют двумя языками, но тогда, когда они регулярно употребляют каждый из них в равной мере. Прямые заимствования так называемой «культурной» лексики — процесс неминуемый и объективный: каждый артефакт, приходящий из инокультурного пространства, приходит вместе со своим названием (появившийся благодаря мусульманам стол принес в язык слово *мез*, завезенный англичанами стул так и стал именоваться в бенгальском *чейлар*). Именно так, путем прямого заимствования, в бенгальский проникли тысячи арабских, персидских и тюркских слов. Само собой громадную, если не важнейшую, роль в пополнении языка арабизмами сыграло и само распространение ислама. Особенно если учесть, что большая часть населения Бенгалии его исповедовала.

Заимствование лексики в условиях билингвизма идет не только путем прямого заимствования, но прежде всего — путем калькирования новых терминов и понятийного аппарата; билингвизм приводит и к изменениям грамматической структуры языка (появление почти аналогичной английским категорий вида и времени, системы залогов, отсутствующей ранее в языке, так как бенгальский и английский относятся к разным континентальным типам языков и др.). Калькирование трактуется современным языкознанием как образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы³. Если для слов, обозначающих материальные объекты, бенгальцы пользовались простым заимствованием, то для абстрактных, обозначающих не предметы, а понятия, отсутствовавшие до этого в их культуре, а также научных и социально-политических и экономических терминов прибегали к словообразовательному калькированию — поморфемному переводу иноязычного слова. Если прямое заимствование не требует билингвизма носителя, то калькирование его как минимум предполагает. Так, большая, если не большая часть калек позапрошлого века русского языка появилась в условиях русско-французского билингвизма образованной части русского общества. Особенность бенгальского калькирования заключалась в том, что материалом для словообразования служили не собственно бенгальские слова и морфемы, а санскритские. Словари, однако, помечают их как слова *татсама*, т. е. собственно санскритские. Бенгальский словарь за два века почти удвоился за счет «древнеиндийских» слов, но при этом ни одного из них, как и значений, ими передаваемых, не существовало в древние времена. Но и обращение к древнему материалу можно считать «скалькированным», так как европейцы тоже использовали для образования новых терминов древние языки — греческий и латынь. Процесс калькирования, начавшийся в колониальный период, продолжается: бенгальский язык обогащается

³ См., например, Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 211.

за счет калькирования научной и общественно-политической лексики, почти не прибегая к прямому заимствованию.

Калькирование — не механический прием, так как поморфемный перевод требует осмысления каждой семантической составляющей вводимого понятия; поиска, иногда мучительного, адекватного по смыслу элемента в своем (а в случае с бенгальцами — в санскрите) языке, а затем внедрения его уже в родной язык и ожидания реакции на него, то есть готовности или неготовности компатриотов воспринять введенную новацию, а в случае неудачи — возвращения к началу и новые поиски. Процесс, как видим, сложный, но оказавшийся по силам тем, кого называли «мухобоями», ведь именно их среда стояла у его истоков. Быть может, британцы и «выводили породу клерков», но получилось, что вывели поколения мыслителей и художников, а в конечном счете привели к появлению бенгальского национализма, давшего им отпор уже в самом начале XX в., во время *бонгобхонго* — раздела Бенгалии, когда бенгальцы, во всяком случае их индусская часть, осознали себя как единую нацию. Этого бы, может быть, и не произошло, если бы в бенгальский язык, а следовательно — и в сознание уже не было заложено еще за сто лет до того понятие *джати* (нация), выращенное и внедренное в сознание масс из слова, изначально обозначавшего «рождение, происхождение», а также «род, вид». Ко времени раздела провинции в бенгальский язык уже прочно вошло и слово *джатийотабад* (национализм).

Долго и настойчиво внедрял в сознание бенгальцев слово *итихаши* (санскр. рассказ о прошлом) великий бенгальский мыслитель и писатель, кстати, служащий Компании в должности магистрата (судья низшей инстанции, мировой судья) Банким Чандра Чаттопадхьяй (1838–1894), предлагавший употреблять его в значении истории как науки о прошлом, написав при этом массу статей на бенгальском языке, одна из которых так и называлась «Что понимается под словом *итихаса*» [Chattopadhyay, 1879, p. 75–89].

Здесь надо бы привести и другие примеры словесных калек, но тогда статья выйдет за все мыслимые и немыслимые пределы, так как понадобится включить в нее добрую треть бенгальского словаря.

Имеет смысл, пожалуй, остановиться на одном примере слова с неудачной судьбой в том смысле, что со временем оно получило совершенно не то значение, которое в него вложил Чандранатх Босу (1844–1910), тоже начинавший карьеру в Компании в должности помощника магистрата. Речь идет об изданной им в 1898 г. книге «Хиндутва» [Basu, 1898], в самом начале которой он сетует на то, что у всех народов есть религии, имеющие свои названия: у христиан — христианство, у мусульман — ислам, у евреев — иудаизм, и только индусы (хинду) не имеют названия своей религии, хотя англичане его придумали — Hinduism, а сами индусы — нет. Тогда, скалькировав модель, по которой образовано слово Hinduism, он предложил назвать религию *хиндутва*.

Название, придуманное Босу, не прижилось, но всплыло в другом значении, в другое время и при других обстоятельствах. Оно оказалось связанным с именем В. Д. Саваркара (1883–1966), а обозначать стало не индуизм, а индусскость, что допустимо, так как санскритский словообразовательный суффикс *-тва* употребляется при абстрактных существительных, независимо от значения. Слово стало синонимом радикального индуизма и приобрело в Индии и в мире негативные коннотации, связанные с ксенофобией и насилием.

И еще на одной кальке хотелось бы остановиться подробнее. Бенгальские *бабу*, главным образом проживающие в городах, а точнее — в Калькутте, стремились превратиться в джентльменов, но высокомерные белые сахибы позволяли им служить Компании, но не более того. Временами возникающие дружеские отношения англичан с образованными аборигенами, а также

с местной знатью, не стали системой. И тогда *бабу* изобретают замечательное слово-кальку с английского gentleman — *бходролок*, прочно вошедшее в бенгальский словарь.

С ЯЗЫКА ВСЕ ТОЛЬКО НАЧАЛОСЬ

Владеющие английским языком и получившие по сути европейское образование бенгальцы частично модернизируют, европеизируют и собственную культуру, хотя их ошибочно было бы обвинять в сознательном подражании — сформировавшаяся к середине XIX в. интеллигенция, *бабу*, превратилась в *бходролков*, пытаясь доказать, главное образом себе, что их культура ничуть не уступает иноземной, и стремительно заполняя культурные лакуны, создавая новые для себя жанры литературы, пытаясь осмыслить свою историю. Но и тут влияние английской, то есть западной культуры было не прямым заимствованием, а калькированием.

Новые культурные влияния тоже по сути калькировались: индийцы не слушали Джузеппе Верди, а создавали свои музыкальные драмы, используя классические мифологические сюжеты и классические *раги*; не наслаждались балетами Адольфа Адана, а создавали танцевальные драмы на те же мифологические сюжеты, временами реконструируя или реставрируя «вышедшие из употребления» классические танцы. Так же возникали и бенгальские литература и театр. Впрочем, бенгальский театр мог идти двумя путями: с одной стороны, создаваемые театральные группы могли использовать «прямое заимствование» и обратиться к корпусу европейской классической драматургии от Шекспира до Мольера, а с другой — калькировать театральные приемы, используя в качестве материала древнеиндийское драматургическое наследие и ставя спектакли по пьесам древнеиндийских драматургов, но переводя их на бенгальский язык. Бенгальский театр, ставший мировым явлением, использовал оба пути и добавил к ним бенгальские пьесы и собственные театральные принципы: социальность, актуализацию старых сюжетов, стилистическую яркость. На премьерах известных театральных групп всегда аншлаги, при этом в зале много иностранцев, которые, даже не зная бенгальского языка, благодаря выверенности постановок и эмоциональности актеров приходят в восторг от увиденного [Chatterjee, 2018, p. 28–29].

Во второй половине XIX в. бенгальцы не остались глухи к призывам Банкима Чандры Чаттопадхьяя обратить внимание на собственную историю. Банким в свое время очень четко доказал, что интерес к прошлому важен и что отсутствие истории — серьезный пробел в жизни и культуре бенгальцев и даже предпринял попытки к ее созданию. Но, доказав необходимость изучения истории, сам не внес в нее большого вклада, так как наивно считал лучшим из историков Вальтера Скотта, называл Кришну реальным историческим персонажем и писал исторические романы [Chatterjee, 1997, p. 54–84].

Собственно говоря, бенгальцы стали всерьез относиться и пытались изучать историю только начиная с 1905 г., когда в связи с указом вице-короля лорда Керзона произошел раздел Бенгалии на Западную с преимущественно индусским населением и Восточную, где преобладали мусульмане. В бенгальской индусской среде возникает протестное движение, вылившееся не только в *свадешии* — бойкот английских товаров, но и в поиски собственных исторических корней для доказательства древности и исключительности своей нации, которая сложилась, по их мнению, еще до прихода ислама в регион. Бенгальские ученые, осознавшие это не без влияния созданного еще в 1784 г. Калькуттского Азиатского общества с его великолепным собранием древних рукописей, отправились на поиски манускриптов. И небезуспешно. В Королевской библиотеке Непала и в дворцах махараджей они находили настоящие сокровища. Правда,

первооткрыватели рукописей не всегда умели их серьезно исследовать — в начале XX в. научная текстология только начинала складываться. Но первый шаг — поиск источников — был ими сделан: библиотечарь Азиатского общества Харапрасад Шастри обнаруживает и в 1916 г. издает «Буддийские песни и стихи на бенгальском языке тысячелетней давности». В том же 1916 г. Васанта Ранджан Рай публикует другую древнюю рукопись, найденную им в деревне Бонкур, — поэму средневекового поэта Чондидаша «Шрикришнокиртон», с той поры считающуюся главным шедевром средневековой бенгальской литературы.

На одном чисто бенгальском явлении стоит остановиться отдельно. *Бабу* хотели стать джентльменами. А что отличает настоящего джентльмена? Он ходит в джентльменский клуб. В английских клубах бенгальских *бабу*, даже называющих друг друга в третьем лице *бходролоками*, не ждали. Тогда *бабу-бходролоки* создали собственные клубы. Вернее, превратили в них традиционно бенгальский способ времяпрепровождения: *адду*. *Адда* (место обитания, место проведения встреч) — собрание мужчин, а иногда и женщин, в лучшем случае за чаем, а то и без оно, обсуждающих любые проблемы. Традиционное общение сельских брахманов, где говорили и спорили о чем угодно: от последствий засухи до политики британского губернатора, от мироустройства до видов на урожай, перебралось из деревни в город и к концу XIX в. стало любимым способом представителей среднего класса Калькутты проводить свой досуг. В домах знатных бенгальских особ проводились *адды* для избранных. Только темы приобрели другой характер. *Адда* становится местом дискуссий об искусстве, литературе, музыке, политике.

Особую популярность *адда* приобретает в XX в., когда в Калькутте появляются первые кафе, где бенгальцы предпочитали пить не кофе, а полюбившийся им чай с добавлением пряностей (*масала чай* с молоком, как принято у англичан, но с острыми и душистыми специями — тоже своего рода калька традиционного английского чаепития). В кафе велись и по сей день ведутся громкие и эмоциональные обсуждения многочисленными интеллектуалами-спорщиками (*аддабадж*). Самыми популярными становятся кафе на Колледж-стрит, улице книжных магазинов, лавок и развалов недалеко от Калькуттского университета, хотя Дипеш Чакрабартти считает, что процесс обратный: не *адды* уютно устроились среди книжных лавок, а «растущая в городе книготорговля была организована вокруг культуры *адды*. Устные лекции и беседы оставались важным фактором формирования и распространения литературных вкусов в городе, где производство и чтение книг продолжало базироваться на личных связях, Каждый книжный магазин, каждая небольшая редакция литературного журнала принимала у себя *адду*, где собирались писатели, критики, издатели и читатели» [Чакрабартти, 2021, с. 294]. Создаваясь как калька, как замена английского клуба, *адда* превратилась в самостоятельный, можно сказать — уникальный феномен бенгальской культуры, то есть изначальная калька превзошла калькируемый оригинал.

Англичане пытались не вмешиваться в сферу религии, оставив за местным населением право на собственную веру, разве что генерал-губернатор лорд Бентинк в 1829 г. запретил обряд *сати* в Бенгалии. Впрочем, это вызвало как поддержку со стороны образованной части общества, так и неприятие среди традиционных индусских кругов, которые даже пытались оспорить решение Бентинка в суде. Окончательное решение тем самым было отложено на три года.

Впрочем, не без внутреннего, хотя открыто не декларируемого, обращения к европейской духовной культуре Рам Мохан Рай (1772–1833) и его единомышленники задумываются над реформацией индуизма, приходят к идее единобожия, хотя и не копирующей христианскую, и создают в 1828 г. религиозно-реформаторское общество Брахмо-самадж. Взгляды Р. М. Рая разделяли дед и отец Рабиндраната Тагора, да и в стихах самого великого поэта многое свидетельствует о том, что он разделяет эти взгляды.

На «невмешательство» британских властей в религию и другие области духовной культуры указывает Партха Чаттерджи: «Колониальное государство не вмешивается в сферу “внутреннего” национальной культуры, но это не означает, что так называемая сфера духовного не претерпела изменений. По сути именно здесь национализм запускает свой самый мощный, творческий и “модернистский” проект: сконструировать современную национальную культуру, которая не будет при этом западной» [Chatterjee, 2018, p. 27].

П. Чаттерджи очень верно заметил, что в колониальные времена бенгальцами была предпринята успешная попытка создать свою новую, современную, но при этом не копирующую западную культуру. Однако само желание ее создать было во многом спровоцировано пусть вынужденным, но тесным контактом с культурой европейской. Наша же задача состояла лишь в том, чтобы попытаться выявить тот механизм, при помощи которого эта культура строилась, обретала свои формы, придя к расцвету и подъему уже ко второй половине XIX века.

Литература / References

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*. 1972. Вып. VI. С. 25–60 [Weinreich Uriel. Unilingualism and Multilingualism. *New in linguistics*. 1972. VI. Pp. 25–60 (in Russian)].

Чакрабартти Д. *Провинциализируя Европу*. М., 2021 [Chakrabarty, Dipesh *Provincializing Europe*. Moscow, 2021 (in Russian)].

Basu Ch. *Hindutva*. Kolkata, 1898 [Basu Ch. *Hindutva*. Kolkata, 1898 (in Bengali)].

Chatterjee P. *Omnibus*. New Delhi, 1997.

Chatterjee P. *Empire & Nation*. Ranikhet, 2018.

Chakrabarti B., De S. *Calcutta in the Nineteenth Century. An Archival Exploration*. New Delhi, 2014.

Choudhuri K. *The Epic City. The World on the Streets of Calcutta*. New Delhi, 2017.

Chottopadhyay B. Ch. *Probondho Pustok.*, Kolkata, 1879 [Chottopadhyay Bankim Chandra. *Book of Articles*. Kolkata, 1879 (in Bengali)].

Halhed N.B. *A Grammar of the Bengal Language*. Hoogly, 1778.

Электронные ресурсы / Electronic sources

STUDfiles – файловый архив студентов. URL: <https://studfile.net/preview/4410619/page:26> (дата обращения: 08.09.2023).